

Роман Неумоев

Рок в Сибири

Книга первая. Как я в это вляпался

Роман Неумоев

**Рок в Сибири. Книга первая.
Как я в это вляпался**

«Издательские решения»

Неумоев Р.

Рок в Сибири. Книга первая. Как я в это вляпался / Р. Неумоев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746978-8

Это книга-разоблачение. Автор описывает историю возникновения в Сибири так называемой сибирской волны русского рока без романтического ореола. Герои сибирской рок-музыки показаны и предстают перед читателями такими, какими они виделись автору, какими он их знал. При этом автор далёк от претензий на объективность. Всё написанное автором в этой книге есть сугубо личное прочтение истории сибирского рок-движения конца 80-х — начала 90-х годов XX века.

ISBN 978-5-44-746978-8

© Неумоев Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Эпоха «три шестьдесят две»	6
Глава 2. Эпоха «три шестьдесят две»	9
Глава 3. Эпоха «Три шестьдесят две»	11
Глава 4. Отступление в год 1972-й	14
Глава 5. Кружатся диски	16
Глава 6. Не ходите, дети в школу, пейте дети кока-колу!	18
Глава 7. Мальчики мажоры	20
Глава 8. Клёвая пластамасса, пацаны!	22
Глава 9. Шухаться, ребята, шухаться!	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Рок в Сибири
Книга первая. Как я в это вляпался
Роман Неумоев

© Роман Неумоев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРВАЯ

КНИГА

Летов, Янка, Неумоев, Немиров и другие...

Глава 1. Эпоха «три шестьдесят две»

Да, дорогие мои, хочешь, не хочешь, а приходится признаться, что таки, вляпался. Вляпываются, обычно, в грязь или в дерьмо. И, вляпываются, обычно, дураки. Так что, можете смело считать меня дураком, ибо если бы я был, на самом деле, человеком умным и рассудительным, а наипаче того, с детских лет, набожным, так и не вляпался бы я, никуда. Ну, да что теперь говорить. Теперь уж я вляпался, втюхался, попал, как в детском стишке о подобных происшествиях говорится:

Шёл по лесу. Темно.
Пригляделся – пятно,
Сунул руку – тепло,
Поднёс к носу – говно!

И как это всё со мной могло произойти? Ума не приложу. И посыпаю голову пеплом, а уж поздно. Но ежели моя история послужит некоторым молодым людям к назиданию и поможет уберечься от подобных же ошибок, то это будет для меня некоторым утешением. Ибо несмотря на то, что я, разумеется, дурак, и вляпался, всё ж таки, сдаётся мне, что человек я не совсем потерянный, не полный негодяй и не злодей. И моего сердца, так же как и вашего, бывает, касается Божья благодать. И не одни, только, худые помышления исходят из оного.

Была весна 1978 года, когда окончив 8-й класс средней школы посёлка Игрим, что стоит на берегу реки Сосьвы, я был привезён родителями в областной центр, город Тюмень. То ли отец устал мотаться по «северам», то ли мать его, наконец уговорила. Мол, кое-что успели заработать, мебель там, машину, кой-какие деньги на сберкнижке имеются. Хватит, мол. Пора пожить на Большой Земле, как люди. Да, к тому же, Ромке (то есть, мне) пора переходить на учёбу в городскую школу, где подготовка соответствует требованиям ВУЗа. О высшем образовании сына пора было подумать, в самый раз. Бедная мама! Что, собственно, плохого было в этих её планах? Абсолютно ничего плохого.

В Тюмени нас ждала отличная, по тем временам, двухкомнатная квартира «киевского проекта», какие тогда доставались только начальству, работникам Главков, трестов и прочей тюменской элите. Простых смертных, как мой отец (ну, что такое, главный инженер СМУ!?), и прочих, из рабочих и ИТР, в этих домах можно было по пальцам пересчитать.

Тюмень была еще, почитай, на половину деревянной, а большинство пятиэтажек, где проживали представители тогдашнего «среднего класса», именуются, и по сей день «хрущёвками». И большинство моих друзей, которых я тогда еще не знал, как оказалось, гнездились в этих самых «ХРУЩЁВКАХ», за которые Никите Сергеевичу, всё таки надо сказать спасибо. Хоть и малы, эти самые «хрущёвки» по сравнению со «сталинками», а всё же напряженность квартирного вопроса, несколько помогли они снять.

Многие из моих будущих (а теперь, как знать, может уж и бывших) друзей и подруг, живут в оных «хрущёвках» и поныне. Ютятся на шестиметровых кухнях и о чём-либо лучшем, могут только мечтать. Да и то сказать, иной раз, было бы о чём мечтать. Многие квартиры новой планировки, как оказалось, хоть и просторней этих «хрущёвок», а жить в них тяжелее. Железо-бетонные панели, из которых они построены, летом слишком быстро прогреваются,

а зимой, наоборот, промерзают. А в родных «хрущёвочках», построенных из кирпича и имеющих капитальной толщины стены, зимой тепло, а летом – прохладно.

Что это за время, 1978-й? Страна еще строила БАМ. Присутствие советских войск в Афганистане вот-вот должно было стать свершившимся фактом. Но простой русский мужик эпохи советского периода отсчитывал не по стройкам пятилетки, а по тому, сколько стоила при том или ином генсеке компартии бутылка водки. Тогда, в 78-м она стоила ровно 3 рубля 62 копейки. По этому поводу ходил сакраментальный анекдот.

«Муж кличет жену, стоящую на балконе:
– Жена! Скинь шейсят две копейки...
– Да ты, что, сдурел? Они же рассыплются.
– А ты их в трёшник заверни!»

Еще в то время, называемое нынче «застойным, а для многих наших граждан, так скорее благословенным периодом «тепличного брежневского социализма», ходила байка о семи противоречиях развитого социализма. Смысл байки, вот собственно, в чём.

1. Заводы работают, но... в магазинах ничего нет. 2. В магазинах ничего нет, но... у всех всё есть. 3. У всех всё есть, но... все недовольны. 4. Все недовольны, но... все молчат. 5. Все молчат, но... анекдоты ходят. 6. Анекдоты ходят, но... никого не садят. 7. Никого не садят, но... все тюрьмы переполнены.

Тогда же, в 78-м, у меня появилась первая отечественная аппаратура класса Hi-Fi. Теперь, когда на каждом углу в магазинах торгуют японскими «Айвами» и «Панасониками», те вертушки и мофоны 70-х выглядят уродливыми монстрами. Но качество звука этих монстров и сейчас ничуть не уступает, а порой и превосходит хваленую «японию». Тем более, что она, эта «япония» сплошь наштампована в Малайзии, Индонезии и на Тайване. Да и стоимость тогдашних «Юпитеров», «Илетей» и «Маяков», по сию пору, в 100 раз ниже. А сравнивает аппаратуру по внешнему дизайну, только лох. Для настоящих любителей качественного звука, первостепенное значение имеет «звуковая характеристика», записанная в прилагающемся к аппаратуре паспорте. Оную характеристику, в былые годы, никто из производителей не скрывал. А нынче, попробуйте найти в импортных руководствах по эксплуатации самые простые, казалось бы, параметры покупаемого аппарата. Ну, хотя бы, «рабочий диапазон частот». Вряд ли найдёте. Ибо, знают эти зарубежные производители и наши торговцы, что за 100—200 «баксов» втюхивают они нам аппаратуру, которую в 70-х у нас отнесли бы классу ко 2-му, а то и к третьему.

В те годы, существовала система социалистической интеграции. Суть её была в том, что союзные республики и страны социалистического лагеря, страны СЭВ, как тогда это называлось, специализировались на производстве и экспорте в союзные республики и страны, одного-двух или нескольких «фирменных» товаров. Башкирия была известна своим мёдом. Узбекистан – хлопком. Прибалтика – сельхоз продуктами и аппаратурой заводов VEF и RADIOTECHNIKA. Венгрия – автобусами IKARUS и консервированными овощами и фруктами. Молдавия – винами и фруктами. Вся страна пила Грузинский и Краснодарский чай, вприкуску с украинским рафинадом. Что в этом было плохого? Мне, рядовому гражданину и, уверен, миллионам моих соотечественников ясно, что абсолютно ничего плохого в этом не было! Ведь, по сути, братские народы, делились со своими соседями лучшим, что у них было. И это самая лучшая торговля и лучший «рынок». Теперь, когда мы наконец познали все прелести «настоящего рынка» и страну завалили недоброкачественной всячиной из Китая и Турции, а Польша, наряду с лишенными витаминов, замороженными овощами, гонит в Рос-

сию «левый» спирт и алкогольные суррогаты с фирменными этикетками, о временах «брежневской интеграции», вспоминаешь с теплотой и благодарностью. Это была прекрасная система товарообмена, и те, кто её разрушил еще предстанут перед судом истории.

Глава 2. Эпоха «три шестьдесят две»

Тогда же, в 78-м, я впервые обнаружил, что с Запада, по каналам «коротких волн» вещают нечто такое, о чем я, в мои 15 лет, и не подозревал. На моем теперешнем языке это звучит так: с Запада, начала проникать в русские умы и сердца, та культурная зараза, что распространилась нынче, наподобие моровой язвы, и нельзя шага ступить по улице, чтобы глаза твои не наткнулись на аудио и видео продукцию, доступ к которой, в те годы был открыт только для «избранных», а попытка ознакомить с этим делом кого-нибудь другого, влекла к возбуждению уголовного дела.

Всенародно любимый Владимир Высоцкий хрипел из динамиков магнитофонов «АСТРА», «ЮПИТЕР», «ТЕМБР»: – Вон, дантист-надомник, Рудик! У него – приёмник «ГРЮНДИК». Он его ночами крутит – ловит, контра, ФРГе... А в журнале «Крокодил» можно было увидеть следующую карикатуру. Некий волосатый «хиппан», стоит на коленях перед радиоприёмником, сложив руки в молитвенной позе. Под рисунком надпись: «Иже еси на Би-би-си!»

Да, правы, тысячу раз правы были советские идеологи, не жалевшие денег на производство и эксплуатацию «радио-глушилок». Кабы эти «глушилки» работали с еще большим КПД, то и не услышал бы я в далёком 78-м по «Голосу Америки» группу «JUDAS PRIEST», а по «Би-би-си» передачи Севы Новгородцева «Рок-посевы». Да, и Слава Богу, если бы не услышал! Умереть, не умер бы. А жизнь, может быть, сложилась бы более счастливо. Но взошли эти рок-посевы. Ох, взошли, будь они не ладны.

Отступление в настоящее

Относительно «радио-глушилок», интересным является следующий факт. Аппаратура эта никуда не делась. Она не демонтирована и по сей день (август 2002 года). Просто она теперь выключена. В маленьком приграничном городке, на западных рубежах Отчизны, где я сижу и пишу эти строки, тихо подрагивают от порывов ветра мощные антенны. Они надёжно скрыты от посторонних глаз. В охраняемых помещениях ГРУ стоит потушенный пульт. Но стоит только поступить приказу и подтянутый оператор, молча повернет ключ, щелкнет тумблерами и на пол-Европы ляжет невидимым щитом электромагнитное поле радиопомех. Это тоже часть нашего оружия. Оружия особой войны – «информационной». Об этом знают те, кто и сегодня готовит новый «Дранг нах Остен». Там, на Западе, в разведцентрах ФРГ и США прекрасно знают, что война не окончена. Это, просто, затишье. И маховик этой войны только слегка приостановлен.

Когда она началась, эта война, не прекращающаяся вот уже 10 веков? Может быть тогда, в IX веке, когда немецкие феодалы, закованные в новенькую броню, молча перешли на восточный берег Эльбы. И потёк это железный, кровавый, безжалостный поток, «Дранг нах Остен». Поток, сделавший исконно славянский Дроздов – Дрезден, Липицк – Ляйпцигом, Щетин – Штеттином. Превративший Поморье в Померанию. И эта жажда новых земель на Востоке, до сих пор не угасла в крови потомков Зигфрида. Помни об этом, славянский мальчик, вслушивающийся в треск радиопрёмника. И когда ты услышишь позывные «Немецкой волны» и «Радио Свобода», знай, что за поставленными голосами дикторов и ведущих заманчивых радиопрограмм, скрываются грозные тени немецких, ливонских и прочих «крестоносцев», готовых в любой момент обрушить на твою голову адское пламя новейших ракет и бомб с радиоактивной начинкой.

Прости меня, мой читатель. Нет, я не хочу ничего тебе навязывать. Не хочу учить тебя жизни, с высоты своих 38-ми лет, 16-ть из которых отданы музыке. Я просто надеюсь, что ты сможешь понять то, чего я не понимал тогда, в 1978-м году, в Тюмени, слушая программы Билла Макгвайера, прорывавшиеся сквозь шум советских радиоглушилок. Я не понимал смысла этой «эфирной войны». «Тайны слова „приказ“, назначенье границ и стотысячный лязг боевых колесниц.» (*1) Теперь понимаю. Жаль, что так поздно.

Отступление в далёкое прошлое.

«Зима 1293-го года. Беда многоглавым Змеем Горынычем нависла над Владимирской Русью. Снег в том году выпал рано, и сразу приморозило. Мертвые леса стояли тёмной игольчатой стеной вокруг белых озёр, заметенных снегом пашен. Робко курились соломенные крыши, укрытых снегом деревень. Редко заржет конь, проскрипят полозья. Мужик, озираясь, проедет, долго тревожно вглядываясь во встречного, и, узнав, что свой, прокричит:

– Ково зная? Татар не слышать, ле?

– Бают у Володимера!, – прокричит в ответ.

О бедах страны нужно было думать не тогда, когда пришёл Батый. А еще раньше, прежде, еще за сто лет! Когда казалось, что мы самые сильные в мире, когда казалось. Что все народы окрест падают ниц, заслышав одно наше имя, когда мы судили и правили, разрешали и отпускали. Когда любая прихоть наша вызывала крики восторга. Тогда, стоя перед Создателем, мы решили, что перестали ошибаться! До того доросла наша мудрость. Когда уже некому стало нас удержать и направить, и ни кто не дерзал возразить противу, а если бы дерзнул – не сносил бы и головы своей! Когда мы решили, что до нас не было никого умнее нас, да и вообще никого: мы первые, единственные, великие! Вот тогда наступил наш конец.

Как до сего дошло? Вот о чем я думаю постоянно. За сто лет еще, всё уже было проиграно, и мы созрели для кары Господней!»

(Прямая цитата по Д. Балашеву)

Глава 3. Эпоха «Три шестьдесят две»

Еще раз прошу прощения за эти отступления в прошлое. Но хочется, чтобы читатели поняли. Ничто не пропадает в истории. Всё лишь меняет свои образы и воплощения. Представя перед новым поколением в причудливой форме настоящего.

Однако, сделаем скачок и в будущее, в 2002 год, на страницы модного московского писателя Виктора Пелевина. Он описывает следующую, скорее всего, придуманную им самим сцену из московской жизни. Не такую, впрочем, и фантастическую.

У ларька с видео-продукцией стоят несколько молодых людей и оживлённо обмениваются впечатлениями от недавно просмотренных голливудских видео-фильмов.

– Чуваки! Я вчера фильм новый смотрел, «Суки», называется!

– Да, ну, «Суки» – это фигня! Ты смотрел фильм «Гады»? «Гады» – это круче, в триста раз.

– Да, нет, пацаны! «Пидоры», «Пидоры», вы смотрели?! А «Пидоры2»?! А «Пидоры3»?! Нет, вот «Пидоры3» – это крутяк!

Забавная сценка. Но и это, тоже Война. Это война за умы. Война против Веры. Это запущенный американскими идеологами голливудский конвейер, работающий без устали на разрушение русской (и любой другой) культуры. Это воспитание «нового потребителя» в России, привыкшего смотреть вместо настоящих фильмов, созданных гением отечественной и мировой кино-режиссуры, фильмы «Гады», и «Пидоры3». Интересно, о чём будут говорить эти молодые, русские юноши, когда вслед за фильмами «Гады», умные американские дяди пошлют на их головы свои «Минитмены», «Тамогавки» и «Полларисы»? Наверное, уже о другом.

– Слыхали?! Вчера на Нижний упала ракета «Тамогавк»?!

– Да, ладно, чё там «Тамогавк»! На Псков прорвались две штуки «Тамогавк2».

– А про «Тамогавки3», вы слышали? Вот, «Тамогавки3» – это круто!

On the Dark Side of the moon

Что интересного и необычного нахожу я сегодня в музыке группы «JUDAS PRIEST»?

Абсолютно, ничего интересного. Тупая, металлическая зубодробилка, разгул самых низменных страстей и обыкновенный «сатанизм» на обложке. Но тогда, в 1978-м, для моих неискушенных ушей это казалось откровением, новым словом в музыкальном творчестве. Это было неслыханно – так играть! Ревущие, резкие «риффы» искаженных «овердрайвом» гитар, мощный бит барабанов и визжащий, завораживающий голос вокалиста, поющего на непонятном языке. Казалось, он неистово голосит о чём-то важном, значительном. Впрочем, наши отечественные рок-музыканты оказались прилежными учениками. Огромная популярность питерских групп, типа «АЛИСЫ» или «Король и Шут», объясняется тем же, что и популярность американских «хеви-металлистов», или успех знаменитых «СЕКС ПИСТОЛЗов». Тот же, мощный бит бара-

банов, ревушие «гитарные рифы» и, главное, игра на детском любопытстве: а что же, там, on the Dark side of the Moon?

О том, что «там», на тёмной стороне Луны, мой друг Артурка Струков чётко сформулировал только теперь, в отрезвляющем голову Настоящем.

«Клинтон, с пухлыми губами,
Олбрайт, с хищными глазами,
Негры в форме US ARMY – это США!
Майкл Джексон, с «пидорскими» танцами,
РЭП, с их чёрными засранцами,
Сорос, с грязными финансами – это США!»

(из альбома «Музыка Бунта», группы А. Струкова «Культурная Революция»)

Роскошная, советская ДРАКА

Лето 78-го пролетело как-то незаметно, и особых воспоминаний не оставило. В августе, мама отвела меня к, исполнявшей обязанности директора школы, учительнице по математике. Её звали Галина Петровна. Это была полная, пожилая, но не старая, ещё, женщина. Она посмотрела на мой аттестат о среднем, восьмилетнем образовании. Порадовалась тому, что там были одни пятёрки и сделала одно только замечание. Почему по математике 4 балла? Мы, с мамой объяснили, что преподаватель математики Игримской средней школы, отличалась особой требовательностью, строгостью, и пятёрки ставила только особо одарённым математическими способностями ученикам. У меня, видимо, таковых не оказалось. Этот ответ, видимо, Галину Петровну вполне удовлетворил, и она сказала, что я могу, в сентябре явиться на занятия в 9-й класс «б». Как потом выяснилось, меня определили в самую престижную школу города Тюмени, №21, с английским уклоном, в которой учились, почти сплошь, дети тюменского начальства. Школа добивалась 100%-ной поступаемости своих выпускников в Высшие учебные заведения.

Но это было не самое главное в жизни. Гораздо важнее для меня была встреча с моим другом, Юркой Шаповаловым. Мы с ним дружили еще до того, как меня родители увезли на Север Тюменской области, в посёлок Игрим. Конечно, мне было неохота куда-то уезжать, но так уж устроено в жизни, когда тебе 10 лет отроду – всё решают родители. Я прожил на Севере 5 лет, вернулся в описываемом, 1978-м году, и встреча, с единственным своим тюменским приятелем, была для меня событием наиважнейшим.

Странно, но тот год, что мы с Юркой провели во дворе дома №36 по улице Салтыкова-Щедрина, остался в моей памяти, чуть ли не самым ярким периодом моего детства. Я помню всё. Как гоняли шайбу в морозных сумерках по заледеневшему тротуару, освещенному тусклым светом голубоватого неоновой фонаря. Как вместе хулиганили и ломали детсадовскую веранду, и удирали от разъяренного сторожа. Я помню, даже хоккейную клюшку, которая была тогда у Юрки. Помнит ли он? Не знаю.

Я – помню. Эта клюшка называлась «Ленинград». Она была какой-то новой конструкции, с пластиковым пером, и Юрка страшно ей дорожил и гордился. И Юрка умудрялся метнуть ею шайбу точно в железо-бетонный столб этого фонаря, что служил нам единственным во дворе источником света. А у меня шайба улетала в сугроб. И я завидовал Юрке. Я думал, что это Юрка так метко бросает шайбу, потому что у него такая классная клюшка. И я попросил маму,

привезти из Свердловска, от дяди Толи, который был защитником свердловского «АВТОМОБИЛИСТА», настоящую, мастерскую клюшку, чтобы и я мог бросать шайбу не хуже Юрки. И случилось чудо! Мне повезло. Мама действительно привезла мне в подарок клюшку «Лужники». Настоящую, мастерскую клюшку, какой не было, может быть, ни у одного, такого же мальчишки, в городе. И теперь, завидовал, уже Юрка. Но в столб, он всё равно попадал лучше. Видно, дело было не в клюшке. Таланта у Юрки больше было к этой игре. Он и на коньках потом катался, с таким шиком, что я от зависти только рот разевал. Да и теперь, через много лет, по части спортивных способностей, мне до моего друга Юрки далеко.

Но было одно дело, в коем я, тогда, моего друга Юрку превосходил. И дело это называлось коротким, но звучным и ёмким словом: ДРАКА!

«Но в жизни есть одно
Жемчужное зерно —
Роскошная, светлая Дрррака!»

(В. Шумов, группа «Центр»)

И вот тут я равных во всём нашем районе среди своих сверстников, не припомню. А драться нам тогда приходилось настолько часто, что всех драк теперь и не вспомнить. Но причина для того, чтобы так много драться была, и причина была веская.

Глава 4. Отступление в год 1972-й

Наш дом, на улице Салтыкова-Щедрина, в котором мы с Юркой оказались волею, так сказать, судеб, стоял на границе с районом, который в те времена назывался «САРАИ» (*1). Почему «сарай», я толком не понимал, да и теперь понимаю, вряд ли. Скорее всего потому, что там, в послевоенное время стали строить деревянные дома, чуть ли не самовольно, и дома эти были, зачастую столь примитивны, что скорее напоминали сараи, чем дома. Вот, отсюда, видимо и пошло это название, «сарай». И слава, об этих «сараях», ходила дурная.

Правда, к тому времени, как мы с Юркой поселились на границе с этими «сараями», большинство тех, кто эту дурную славу сему району стяжал, уже сидели по тюрьмам и лагерям. Но младшее поколение подрастало вполне под стать своим старшим братьям. Весь героический дух «отпетого хулиганства», был передан по цепи, так сказать, преемственности. Вот с этими-то, юными наследниками боевой славы отцов и братьев, пришлось нам, с моим дружкой Юркой Шаповаловым, оказаться за соседними партами, в школе №29 города Тюмени.

Помнит ли кто из нынешних читателей знаменитые и грандиозные драки «район на район»? Корни этого явления далеко искать не надо. Всё это, типичное продолжение традиционных для нашего мужского населения кулачных боев и «стенка на стенку». Но, как и многое при советском строе, мужицкая эта забава претерпела сильное искажение, не в лучшую, скажем так, сторону. Запрет, введенный при советской власти на этот вид народных единоборств, привел, как это всегда и бывает, не к искоренению самого явления, а к тому, что оно приобрело новые, уродливы формы. В отличие от традиционной, русской «стенки на стенку», где действовали четкие неписанные правила и законы благородства, советская драка «район на район» являлась, по существу, кровавой бойней, без всяких правил, и с применением любых самодельных боевых средств. Отрезки арматуры, труб, металлические вентили и кастеты, а то и ножи – неотъемлемые атрибуты этих потасовок воспитывали в участниках не боевой дух и закалку, а скорее привычку к подлости, коварству, кровожадность, и убежденность, что для победы над противником любые средства хороши.

Власть, в лице нарядов милиции, призванных, вроде бы, всё это безобразие предотвращать и прекращать, в тайне этому потворствовала, ибо сама эта власть имела существо и психологию «языческую». А для язычника, коварство и бессмысленное кровопролитие, в чем-то, сродни доблести.

«Спрашивают Вову:
– Зачем на свете Власть?
Отвечает Вова:
– Чтоб пожрать, и всласть!»

Частенько можно было видеть такую картину. Толпа молодых людей, среди которых, впрочем, мелькают и совсем юнцы, и, наоборот, явные переростки, движется к ристалищу. Многие, даже не скрывают степень своей вооруженности. А милиция спокойно наблюдает за их передвижением на почтительном расстоянии. А вот, когда побоище уже состоится, и можно спокойно вязать раненых и обессиливших поединщиков, тут милиция резко активизируется и хватает тех, у кого уже нет возможности покинуть место битвы самостоятельно. Очень без-опасно, «гуманно», и «по-советски» по-волчьи.

Впрочем, органы милиции, все ж таки, работу свою (которая «на первый взгляд, как будто, не видна» (*2) делали, действительно тихо и незаметно. И, таким образом, наиболее активных героев межрайонных битв, к описываемому периоду, всё же пересажали.

Вот с таким, социально-активным контингентом, пришлось нам с Юркой столкнуться в школе №29 города Тюмени, в 1972-м году.

Тактика поведения у меня была, скорее всего, просто инстинктивная, но, видимо, правильная. Во всяком случае, она меня и тогда, и в последствии, никогда не подводила. В каком бы новом коллективе я ни оказывался, я, в первую очередь, старался сразу «вычислить» главаря и одержать над ним верх. Это проще, чем иметь потом дело со всей, руководимой им стаей. Далее, показав свое превосходство, я всё-таки, старался слишком сильно этого «главаря» не унижать (если это было возможно), а установить с ним, а через него, и с остальными, хотя бы отношения типа: «Вы нас не трогаете, а мы вам жить не мешаем». В детстве это удавалось. Во взрослой жизни, бывает, что и не удаётся. Взрослая жизнь, она, как известно, куда безжалостнее. И в ней, этого главаря, иногда приходится, просто убивать.

При этом, я старался, по возможности, обойтись «без крови» и синяков. Старался дело выиграть борьбой. И всё-таки, обойтись без драки, за частую не удавалось.

Я приступил к занятиям на две недели позже, чем все, и когда начал учиться, то моего единственного в этом районе, приятеля Юрку, уже всюю обижали, «как новенького», а вслед за ним, начали «прощупывать» и меня. Так что, пришлось мне, буквально с первых дней учёбы, проделать всё описанное выше. А именно, «заломать» классного заводилу, младшего братишку одного из сидевших уже «сараевских бандитов». Ну а дальше, так и повелось. Юрку обижают – я бью морду.

Глава 5. Кружатся диски

Итак, что же я обнаружил в 1978-м году, вернувшись с «северов» в родную Тюмень? Я обнаружил, что сильно отстал от жизни. Юрка, уже был не Юрка, а Юрий. У него были новые друзья и новые увлечения. Придя к нему домой, я увидел его комнате домашнюю, бытовую технику, о существовании которой, даже не подозревал. Оказалось, что брат Юрия, Олег, служит в Германии и привозит оттуда сведения о последних веяниях в области современной музыки. Благодаря чему, Юра слышал даже такую экзотическую группу, как «АТОМІС СОСКС». Признаться честно, но я и к 38 своим годам так ни разу с творчеством этой легендарной команды и не ознакомился!

Так что же я увидел в комнате, у друга моего детства, Юрия Шаповалова? Я увидел две огромные акустические системы от проигрывателя высшего класса «ЭСТОНІЯ». Колонки эти «выдавали», ватт по 50 номинальной мощности и исторгали из себя такие низкие частоты, что аж в животе что-то начинало, от подобного звука, вибрировать и опускаться. Звуковая характеристика этих колонок была 40 Гц, «по нижнему пределу», и 20 кГц – «по верхнему». Сама «вертушка» (*1) этой «ЭСТОНІИ», была, видимо, скопирована с какого-то зарубежного образца и была снабжена иглой-звуконосителем американской фирмы «SURE». Вот тут, я впервые услышал и понял, что такое настоящая Hi-Fi – аппаратура, и по-настоящему качественный звук!

Плюс к этому, я обнаружил на Юрии «фирменные» джинсы «Леви Страус», ну и прочее импортное шмотье. Это, значит, получалось что? Получалось, что я, во-первых, безнадежно отсталый. Во-вторых, одетый, как «ремонт». А, в-третьих, типичный «лошпек» (*2), ничего не знающий о том, «что теперь надо слушать», и «во что надо одеваться». (И что интересно, я и теперь, в мои тридцать восемь, с точки зрения Юрия Игоревича, безусловно «ремонт», и по части знания современной музыки, абсолютнейший «лошпек»!)

И никакие мои «пятёрки» по русскому, физике, и биологии изменить этого факта не могли! Лохом быть не хотелось.

Мои родители, стоявшие на несколько ступенек ниже на социальной лестнице, чем Юркины, могли мне позволить наслаждаться музыкой, при помощи, не более чем проигрывателя «Radiotechnica» второго класса. А на таком аппарате, Юрок напрочь отказывался свои фирменные диски не то что послушать, а даже, и одного раза прокрутить.

Я ломал голову над вопросом: что же это за такая, новая, неслыханная музыка, слушать которую, на подобной супер-аппаратуре, есть удел любимца судьбы Юрки Шаповалова и его друзей, таких же «патрициев»? А мне что делать? Так и оставаться жалким плебеем? Ну уж, дудки!

И началась у меня болезнь, каковую можно было бы назвать «синдром Элочки-людоедочки». Началась погоня за «фирменными» штанами, куртками и рубахами.

Но самое главное, для того чтобы попасть в число «избранных», необходимо было заиметь настоящие, импортные пластинки (или «пласты», «пластмассу» (*3), как их тогда называли). Причем, обязательно не такие как у Юрки, чтобы ему было интересно со мной общаться

и обмениваться. И чтобы, хочешь-не-хочешь, а пришлось бы ему давать мне переписать на магнитофон евоные пластинки, плюс те, что попадали к нему от его друзей.

* * *

Эх, послать бы их всех тогда вместе с их «Левисами», Вёрджинами» и «Уорнер Бразерсами», к едрене-фене, да жить бы себе спокойно и учиться! Так, нет же! Ну, да что уж теперь говорить. А ведь вот, может быть пройдет этак лет десять-пятнадцать, и буду я горько сетовать: «Эх, послать бы их всех, тогда, с их компьютерами и Интернетом. Вот бы и хорошо!» Да, крепки мы русские задним умом. Правильно князь Иван Димитриевич говорил.

* * *

Записывать всю эту музыку я мог тогда только на старенький, уже не раз отремонтированный, да к тому же кассетный магнитофон «Весна – 202». Мофон (*4) этот был, хотя и стереофонический, но «частотка», и соответственно качество звука было довольно паршивым. Не знаю, может быть, если к нему присоединить приличные колонки (*5), то еще было бы ничего, а с его родной акустикой выдавал он звук от 80 Гц до 12,5 кГц. То есть, совсем даже не Hi-Fi. Юрка же имел, еще с класса 8-го, катушечный магнитофон «Юпитер-202», у которого был встроенный усилитель, выдававший звук от 63 Гц до 18 кГц (то есть, почти что уже Hi-Fi), через две небольшие, но довольно-таки качественные акустические системы, мощностью по 15 ватт каждая. Впрочем, этими колоночками он практически не пользовался, и потому, он их мне впоследствии, уже изрядно попорченные, уступил недорого, сочувственно входя в мое положение «аппаратурного голодранца».

Я с трудом усваивал новую для меня систему отношений. В этом новом мире было полно строгостей и условностей, и ничего не давалось даром. Те, кто был счастливым обладателем настоящих, «фирменных» 6 дисков, страшно ими дорожили. И это понятно, ведь одна такая пластинка, новая, с абсолютно не игранный поверхностью, и целёхонькой целлофановой оберткой, стоила от 70 до 120 рублей. То бишь ящик, а то и полтора, любимой народом водяры! Разумеется, простой народ этого понять никак не мог. И я, теперича, с простым народом согласен: морду надо было бить за такое!

Для сравнения, средняя зарплата рядового служащего была тогда тоже, где-то от 70 до 120 рублей. Двойные пластинки могли стоить еще и дороже, и 160, и даже 250 рублей. Причем обладателями довольно таки значительных коллекций, как это не странно, зачастую были молодые люди из вполне обыкновенных, простых семей, не обязательно дети начальства. У старшего брата, одного моего одноклассника, Игоря Лавренова, дома была довольно объёмистая пачка этих дисков, и аппаратура наивысшего класса, производства японской фирмы «АКАИ». Получить в обмен пластинку у такого «богатого коллекционера» как Игорь Лавренов было, ой как не просто. Но, как мы увидим далее, и он бывал не раз «раскручен на пластмассу», причем никем иным, как нами, мной и Юркой.

Глава 6. Не ходите, дети в школу, пейте дети кока-колу!

Итак, чтобы Юрию было интересно поддерживать дружеские отношения, столь неожиданно прерванные несколько лет назад, пришлось мне поднапрячься и купить, рублей за 35—40, уже не новую, то есть, «попиленную» пластиночку, Это был диск группы «BLACK SABBATH» под названием «Sabbotage». Сами можете понимать, что это было за такое. Как слышится, так и пишется. Саботаж, он и в Африке, саботаж. Диск этот, повторяю, был далеко не уже не новый (а на новый мне и денег взять было не от куда), но для Юрки, соблазн его у меня взять и послушать был неодолимый. Поэтому, вполне можно было выпросить у него, «дашь на дашь», какой-нибудь, почти «нулёвый» (*1) «Deer Purple», или типа того. Таким образом, наши дружеские, вернее сказать, приятельские отношения, получали новое продолжение, и прочную основу взаимного интереса.

Юрий не долго колебался, давать, не давать, брать, не брать, и в тот же вечер притащил мне на обмен, взятую у кого-то «на прослушку» пластинку, взял у меня этот «Sabbotage», и оставил мне этот чужой диск (кажется это был диск Аллана Парсонза на стихи Эдгара По), дав строжайший наказ, не трогать поверхность пальцами и не вздумать даже, оставить на поверхности хотя бы одну свежую царапину. Особенно опасно было оставлять на поверхности такие царапины, на которых, чувствительные импортные звукосниматели ревнивых коллекционеров начинали потом соскакивать, или начинали в этом месте заедать.

Ну, и разумеется, я от неопытности, и от избытка осторожности, оный, первый попавший ко мне на обмен диск, уронил, и великолепношим образом поцарапал!

С замиранием сердца и страхом, возвращал я эту пластинку обратно, но всё, на этот раз обошлось. Юрий, видать уже этого диска наслушался, и вернул его хозяину, не обратив на царапину особого внимания. Уже спустя недели две-три, а то и месяц, хозяин диска попенял Юрию на эту царапину, но время предьявлять претензии, было безнадежно упущено. Так вот, постепенно, кстати, диски и «запиливались» (*2), падая, естественно, в цене.

И опять-таки, приходится отметить, что недопонимал я тогда, что за всей этой музыкой кроется нечто такое, что казалось бы, к самой музыке отношения не имеет. А скрывался за ней НЕКИЙ СПЕЦИФИЧЕСКИЙ «ДУХ», некая программа отношения к жизни, к действительности. «ДУХ» этот раскрылся для меня только через несколько лет, и возникло понимание того, что же это за «ДУХ». Это был «Дух» бунтарства, беззаботности, нонконформизма, и названо это было всё впоследствии: НАСТОЯЩЕЕ РОК-Н-РОЛЬНОЕ БЕЗОБРАЗИЕ.

Кстати, единственная, доступная тогда книжка о рок-музыке так и называлась «Музыка Бунта». И надо сказать, некоторыми, особенно американскими рок-бунтарями, предлагалось бунтовать отнюдь не по-мелочам, а в глобальном, мировоззренческо-религиозном смысле.

«Сожги свой дом, Убей отца...»

И выяснилось в последствии, что рок, он практически всегда «против», и никогда «за». Против чего? Да против чего угодно! Можно против «наркотиков». А можно и против Господа Бога, и самих основ человеческого бытия. Тут уж, как говорится, на что фантазии хватит. Были, правда, исторически достоверные факты, когда наиболее изворотливые адепты этого жанра пытались представить свою рок-деятельность в абсолютно положительном смысле. Некий рокер 60-х, Николай Петрович Андриевский рассказал мне следующую историю.

Жил он тогда в Питере и учился в институте. При институтском студенческом клубе существовал ансамбль, для которого он, тогда еще просто Коля, писал тексты песен. И вот как-то раз вызывают его на какую-то плановую комиссию по культуре, где просят объяснить, что собственно у них за коллектив, и что они там проповедают. Первый вопрос комиссии:

– Как называется Ваш коллектив?

– Наша группа называется «ЗА»!, – бодро отвечает Коля.

– Пойдите, пойдите, – говорят ему члены комиссии, – что значит, «ЗА»? Вы, собственно, против чего в своих песнях выступаете? Может против войны во Вьетнаме или еще что, – подсказывают ему.

– Да, нет, – говорит Коля, – мы ни против чего не выступаем и не боремся. Мы не против. Мы как раз, «ЗА»!

– Нет, нет, ты подожди, – говорят бывалые тетеньки из комиссии, – ты давай нам голову не морочь. Ты давай говори тут начистоту, и правду. Против чего, собственно, выступаете. Какие пороки вскрываете, что критикуете и всё прочее, такое.

– Да ничего мы не критикуем, – пытается объяснять Коля. Я же вам русским языком говорю. Мы не против, мы – ЗА!

– Так, так... – переглядываются члены комиссии, – ну хорошо. А за что вы тогда боретесь? За что выступаете?

– Ну, мало ли за что, – удивляется такому непониманию Коля, – за любовь, за правду, за мир во всем мире, в конце концов.

Тут члены комиссии решили конфиденциально посоветоваться и Колю отпустили. Но в добрые и позитивные намерения Коли и его друзей так и не поверили и группу их постановили запретить.

ВОТ ЧТО БЫВАЕТ, КОГДА ПЫТАЕШЬСЯ БОРОТЬСЯ ЗА ДОБРОЕ ДЕЛО НЕПОДХОДЯЩИМИ СРЕДСТВАМИ!

Так оно всё, на самом деле или не так, пусть спорят и доказывают ученые-культурологи. Я же могу только констатировать, что одновременно с началом у меня рокомании, как-то сам собой начал пропадать интерес к учёбе, снизился уровень ответственности перед окружающими и захотелось мне пить вино, гулять и веселиться. То есть, разлагающее влияние рок-музыки было налицо и лозунг «НЕ ХОДИТЕ, ДЕТИ в ШКОЛУ! ПЕЙТЕ, ДЕТИ КОКА-КОЛУ!» начал претворяться в моей жизни с нарастающей быстротой. Я начал «зависать» на каких-то развесёлых флэтах, где под эту самую рок-музыку, молодёжь моего возраста и постарше балдела 5, пило вино и весело хохотали смазливые девчонки.

Юрка и тут, оказался куда покруче меня, ибо для развлечений о избрал не квартиры друзей, а ресторан «Русь», куда он стал наведываться в обществе братьев Паши и Андрюши Янковых.

Глава 7. Мальчики мажоры

Паша и Андрюша Янковы были персонажи, заслуживающие отдельного описания. Это были настоящие мальчики-мажоры, прославленные позже, как тип, в одноименной песне Юрия Шевчука, и в песне Бориса Гребенщикова «Мальчик Евграф». Они жили в доме напротив, что вырос рядом с нашим за то время, пока я жил «на северах» 1. Отец братьев Янковых был начальником одного из снабженческих трестов и имел прямой доступ на всяческие ОРСовские и УРСовские базы, где во времена «повального дефицита», всё отечественное начальство, с большим успехом от этого дефицита спасалось.

И вот, у этих-то мальчиков-мажоров, братьев Янковых, имелось всё то, о чем многие мои сверстники могли тогда только мечтать. И фирменные джинсы «Jordans», и японская бытовая техника, поступающая на тюменские торговые базы по бартеру, и новенькие, порой даже нераспечатанные еще, импортные пластинки. Янков-старший своих сыновей, видимо шибко любил и отказа они не знали ни в чём. Положение Юрки Шаповалова было куда скромнее. И вот почему.

Был Щербина – была свинина...

Отец Юрия, хоть и был в те годы начальником не меньше любого Янкова, однако стремление его в высшие эшелоны власти, имело некоторые оборотные, и неприятные стороны. Оказывается, лучше было тогда, в те годы, в Тюмени быть начальником отраслевого треста, обеспечивающего нефтяные и газовые предприятия области каким-либо оборудованием, нежели начальником главка, а тем более представителем высшего аппарата партийной номенклатуры. Пирамида власти имеет некоторую особенность, заключающуюся в том, что чем выше ты поднимаешься к вершине, тем более оказываешься на виду, и тем больше приходилось оглядываться на принципы партийной дисциплины, не допускавшие слишком уж злоупотреблять своими связями в системе снабжения. В конечном итоге, тут многое, если не всё, зависело от того, что за человек находится на самой вершине этой «властной пирамиды».

На вершине тюменской властной пирамиды находился тогда Геннадий Павлович Богомяков. Это был человек старой, коммунистической закалки, убежденный сторонник строгого соблюдения партийных норм жизни, ревнитель «морального кодекса коммуниста». Сам он своих детей никогда не баловал никакими импортными игрушками, считая, видимо, что это может их испортить и развратить. И правильно, кстати, считал. Поэтому-то они и выросли дельными, самостоятельными людьми, и полезными членами общества. И если бы таких строгих к моральным устоям партийных руководителей было большинство, то вполне возможно, советская партийная элита, еще долгие годы не выпустила бы рычагов управления из своих рук и даже горбачевская «перестройка» не повлекла бы падение власти КПСС. Но, как говорится, и Великий Рим погибает от роскоши.

О таких, как Г. П. Богомяков на Руси принято говорить: строгий мужик, но честный, крепкий хозяин. Уверен, что, даже планируя знаменитый своей пагубностью для природы Поворот Сибирских рек на юг 2, Геннадий Павлович действовал исходя не из личного, ретивого желания «поднимать природу на дыбы», а из соображений партийной дисциплины, можно сказать, по смирению своему перед высшим московским руководством ЦК партии.

Простой народ, впрочем, об этих свойствах высшего партийного начальства вряд ли подозревал. И работу первого секретаря тюменского обкома партии оценивал по-своему. В ходу был следующий памфлет.

«Был Щербина – была свинина,
Стал Богомяков – лежат кости,
А где же, мякоть?...»

Тюмень, при Щербине стояла на 1-й категории обеспечения. Это было связано с безусловной важностью для страны, освоения тюменской нефти. Но когда вслед за ним, пост первого секретаря тюменского обкома партии занял Богомяков, в ЦК, видимо, решили, что острота момента с «тюменской нефтянкой» 3 прошла. Основные месторождения разработаны, нефть стабильно поступает по трубопроводам, и процесс строительства нефтяной и газовой отрасли идет своим чередом. Поэтому, в результате ЦКовских интриг, руководству Свердловской области удалось перетащить право на 1-ю категорию обслуживания на свою область. На практике это означало, что отныне, не в Тюмень, а в Свердловск стали поступать лучшие колбасы и свинина с Украины, молоко и сметана из Прибалтики, и прочие отборные продукты стали наполнять прилавки уже не тюменских, а свердловских магазинов. Вот чем обернулось, в этом случае «богомяковское смирение перед высшим московским руководством». Да ладно! Это было не самое страшное. Гораздо страшнее стало жить после ухода Геннадия Павловича с политической арены, и вообще, из власти. Одним из первых, он приехал к Михаилу Горбачеву и заявил, что участие свое в губительной, обреченной заранее на проигрыш перестроечной политике он не примет. Несколько часов пытался Горбачев уговорить Богомякова не уходить, называя его даже «предателем». Все уговоры были тщетны. Геннадий Павлович слишком ясно понимал, что начатые Горбачёвым «реформы», это начало конца...

Глава 8. Клёвая пластамасса, пацаны!

Наступила зима. Учёба шла своим чередом. Как еще один отличник школы №21, я, благодаря разлагающему влиянию рок-музыки не состоялся. Ибо, бывало, по неделе отсутствовал на занятиях, прикрываясь «липовыми» справками, и попросту пытаюсь отоспаться после очередного «сейшена».

Как-то раз, Юрий сообщил мне, то круг возможных поставщиков новых, непрослушанных еще, или не переписанных на магнитофон, дисков может быть значительно расширен, если наведываться время от времени на тюменскую «менялу». «Меняла» это было место, где встречались тюменские коллекционеры «фирменной пластамассы» Они тогда собирались на ступеньках Тюменского училища искусств, в среду и субботу, с семи часов вечера, и так это, примерно, до восьми, до половины девятого. И такие места встреч пластиночных коллекционеров существовали во всех, практически, крупных городах страны.

У меня, как раз образовалась подходящая сумма денег, рублей этак шестьдесят. Юрий, который был для меня в этой области непререкаемым авторитетом, довольно быстро мне доказал, что на этакую сумму, мы с ним на «меняле» купим пластиночку, ну абсолютно «нулёвую». Может «URIAN HEER», а может что-нибудь и покруче.

Вышли мы из дома в большом волнении и ожидании приятных музыкальных сюрпризов. Приехали к музучилищу. Там, на ступеньках уже толпится человек десять. У всех под мышками черные сумки, у некоторых пухлые портфели, а там, внутри – ОНИ, возделенные пластинки в ярких, глянцевых конвертах.

* * *

Здесь придётся снова сделать отступление, и объяснить, что это было за такое, эти западные виниловые диски, и почему к ним был такой интерес. Ведь и советская фирма «МЕЛОДИЯ», и болгарский «БАЛКАНТОН», и чехословацкий «СУПРАФОН», и прочие там, ГДРовские и польские фирмы грамзаписи, давным-давно выпускали всевозможные виниловые диски. И помещали эти диски в картонные и бумажные конверты, и всяческий дизайн в их оформлении имел место. Однако же, ни хрена вся эта отечественная и «демократовская» [3] продукция на менялах нашей страны не стоила. Не котировалось всё это абсолютно. Тщетно пытались отдельные обладатели коллекций «демократовских» пластинок что-нибудь здесь поменять. Ответом им было молчаливое презрение.

Да, что и, говорить, отставали страны социалистического лагеря, а тем более грампластиночная промышленность СССР, по части качества винила и разнообразию дизайнерских решений и внешних упаковок. Недопонимали у нас того, что еще в конце 60-х прочухали умные дяденьки-продьюсеры на Западе. Что сама пластинка, с фонограммой на ней записанной – это еще пол-дела. Не менее важно, как оформлен, с какой выдумкой и качеством картонный конверт, в который она вложена. То бишь вот этого, описанного у известного многим читателям моего опуса, Мирослава Немирова, принципа синкретического искусства, у нас и не понимали. Что альбом, пластинка – это произведение искусства на стыке направлений: поэзии, музыки, живописи, дизайна. То есть, то к чему стремились в начале века еще Чюрлёнис и Волошин, во второй половине 20-го века, на Западе было основательно осознано, и более того, поставлено на индустриальную основу.

Ну, действительно, сравните. Берёшь какой-нибудь «демократовский» диск. И что же? Внешний конверт, зачастую сделан из картона не самого высокого качества. На обложке, какими-нибудь крупными буквами, что-нибудь на их языке, такое написано, из чего только можно, разве что понять, что именно на этой пластинке записано. В общем, дизайн так себе. Внутренний конверт, вообще, как правило ровного, белого цвета., без всяких знаков отличия.

Берём диск, сделанный, скажем, в США. На лицевой стороне конверта, высокохудожественная, как правило, отлично нарисованная картинка, отражающая основную концепцию авторов музыки. Причем, важно то, что именно авторская концепция отражена на обложке, а не концепция художников, работающих на фирму-изготовитель. Далее идёт разворот. На нём куча отменных фотографий, масса сопутствующей информации о самой музыке, звучащей на диске, зачастую, аннотации и перечень участников. На внутреннем конверте – тексты песен. Сам диск имеет отличительный пятак с дизайновым логотипом фирмы. И, самое главное, это то, что диск изготовлен из винила отменного качества. Иной диск можно хоть в трубочку сворачивать, ничего ему не будет. Ну что тут скажешь? Одно слово, Европа! Америка! Цивилизация!

Иные исполнители, как например, заинтересовавший меня в то время именно из-за оформления, Rick Wakeman, снабжали свои альбомы еще и книжечкой-вкладышем, так что это уже был не только диск. Это уже была целая книга, альбом прикладной живописи. Сейчас, с возникновением эстетики компакт-дисков, к сожалению, возможностей для таких роскошных дизайнерских решений куда меньше. Слишком мизерный у «сидюков» формат, по сравнению с виниловой грампластинкой.

* * *

Ну вот, значит, приходим мы с Юрием на тюменскую «менялу». Уже темно. Зимой в это время, уже, не то что сумерки, а настоящая темнота. Как же это, думаю я, при свете тусклых уличных фонарей, освещающих вход в Тюменское училище искусств, сумеем мы разглядеть, есть ли на пластинках царапины или нет? Ну, думаю, Юрка опытный филофонист, как ужнибудь не ошибётся. Наивный я был. Простота, к коей я привык, живя на Севере, для тюменской жизни была не свойственна. Поэтому, только потом, когда уже поздно стало, понял я, что тут каждый решает сам за себя. Юрке, например, важно что? Чтобы интересную пластиночку послушать. А новая она или «попыленная», ему-то какая разница!? Деньги-то мои, не его. Продавцу тоже, прямой интерес «впарить» диск не первой свежести. В общем. Ту как на всяком базаре, два дурака. Один продает, другой покупает.

Глава 9. Шухаться, ребята, шухаться!

И вот тут, впервые, столкнула меня жизнь с человеком, которого можно было назвать достопримечательностью тюменской менялы. Это был некий, Володя Соколов.

Выглядел он, примерно, так. Небольшого роста. Подвижный. Нормального телосложения. Одет он был в светло-желтый плащ, черные брюки и остроносые туфли. Аккуратно, в общем, так одетый, как спецгент. Ничем особым в одежде не выделялся. Рот он имел выразительный. Губы, такие, как бы, несколько презрительные, красивые и плотно сжатые. При этом Володя вёл себя как классический, удачливый коммивояжер. Он быстро, почти скороговоркой подбадривал окружающих, сонных как тетери, меняльщиков.

– Ну, что, чуваки! Стоим, скучаем... Шухаться надо, шухаться! Клёвую пластмассу надо брать! Ну, чё, давайте!.. Шило на мыло, часы на трусы.

Посетители менялы смущенно улыбались, ёжились и только сильнее прижимали к телу кейсы с пластинками. Шухаться, разумеется, надо было, но прогадать при этом не хотелось. Раз обменяв свои добротные «часы» на чьи-нибудь рваные «трусы», назад эти «часы» уже не получишь. А за них, между прочим, денежки плачены, и не малые.

Ну, да что уж. Хрен с ними, с денежками, решил я. Трудно было не поддаться обаянию Володи Соколова. Пошли мы втроём, я, Юрий и Володя, в предбанник музучилища, где было как-то, посветлее. И там я купил у этого «коммивояжера» первую свою, по-настоящему, дефицитную, пластиночку. Из всех, имевшихся у Соколова в пухлом портфеле дисков, Юрий выбрал, естественно то, что его интересовало, на тот момент, больше всего. Это был диск группы DEEP PURPLE, «Deep Purple in Rock». При тусклом свете неоновой лампы, Юрий эту пластинку покрутил в руках, так и этак, и бросил мне с видом знатока:

– Ну, не знаю, Ромыч. Тебе брать. Альбом, вообще-то, один из лучших. Я бы взял.

Да-а-а! Юрий знал, как сказать! Ум, стиль, парода! Кстати, почему он был теперь Юрий? Вообще-то, он, конечно, был для меня, по-прежнему, Юрка. Просто, когда я ему звонил домой и трубку брал его отец, как уже говорилось, Очень Большой Начальник, то разговор происходил следующий:

– Аллю! Вас слушают.

– Здравствуйте, а можно Юру?

– Юрий отдыхает...

На этом, частенько, разговор и заканчивался. Ибо просить далее, позвать к телефону отдыхающего Юрия, казалось какой-то дикостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.